

УДК 336.741

Ольга БУТОРИНА**О ПРОИСХОЖДЕНИИ МОНЕТ¹**

Аннотация. Согласно преобладающему в экономической науке мнению, деньги появились стихийно в результате разделения труда и развития товарного производства. Представители государственных теорий денег утверждают, что деньги создаются законодательной силой государства. Задача данной статьи – проверить соответствие этих взглядов факту появления первых монет в Малой Азии и в Древней Греции. На основе анализа исторического материала показано, что импульс к первоначальной эмиссии исходил от государства. Быстрое распространение монет стало возможным благодаря созревшему общественному (и рыночному) спросу на новый тип денег.

Ключевые слова: первые монеты, теории денег, хартализм, новая денежная теория, бартерная экономика, античные монеты, царство Лидия.

Первые монеты и их научная трактовка

Процесс создания монеты занял почти полтора тысячелетия, начиная от появления во многих местах дифференцированных по весу металлических слитков. Постепенно такие слитки трансформировались в несколько типов денежных объектов: в виде брусков, прутьев, вертелов. В первой половине первого тысячелетия до н.э. домонетные формы денег распространились по материковой и островной Греции, а также по всему восточному Средиземноморью [Зограф, 1951: 23; Davies, 2002: 61–63].

Первые монеты были отчеканены в первой половине VII в. до н.э. в царстве Лидия в Малой Азии царём Гигесом, основателем династии Мермнадов². На этот счёт в современной исторической науке существует прочно утвердившийся консенсус. Вскоре чеканку переняли многие соседние народы. Уже в VI в. до н.э. монеты ходили по всему Средиземноморью, включая его отдалённые уголки, не имевшие собственных монетных дворов. Штемпели на древнегреческих монетах указывали на место их выпуска: на монетах Афин изображалась сова; тюлень ука-

¹ Автор благодарит Андрея Валентиновича Стрелкова, к.и.н., доцента кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета за внимательное прочтение текста, содержательные замечания и доброжелательную консультацию. Ответственность за все возможные ошибки лежит целиком на авторе.

² Лидия в строгом смысле слова не относилась к Древней Греции, находясь на стыке двух древних миров – западного и восточного. В статье автор считает правомерным рассматривать эмиссию лидийских монет в контексте экономической истории античной Греции.

© **Буторина Ольга Витальевна** – доктор экономических наук, заместитель директора ИЕ РАН по научной работе, Институт Европы РАН. **Адрес:** 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11-3. **E-mail:** olgabutorina@mail.ru

Статья подготовлена по гранту Российского гуманитарного фонда № 15-07-00063.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32016131142>

зывает на то, что монета происходила из Фокеи, львиная голова – из Милета, Пегас – из Коринфа, орел – из Элиды, роза – из Родоса и т.д.

Накладывая данные события на последовательность периодов в истории Древней Греции, следует констатировать, что изобретение и распространение монет произошло в архаическую эпоху – время вторичного возникновения цивилизации в форме городов-государств (VIII–VI века до н.э.). Ей предшествовали Темные века, или гомеровская эпоха (XI–IX века до н.э.). После архаического периода началась классическая эпоха – пора расцвета городов-государств, особенно Афин (V–IV века до н.э.), за которой последовала эпоха эллинизма – время греко-македонской экспансии на Восток, формирования эллинистических государств вплоть до их поглощения Римом (334–30 гг. до н.э.) [Фролов, 2008: 543–544].

Согласно первому традиционному и берущему начало от Аристотеля предположению, монета возникла из разделения труда и по общему уговору людей. Необходимость обменивать излишки продукции породила меновую торговлю. Далее неудобство бартера сформировало общественную потребность во всеобщем эквиваленте – сначала в товарных деньгах (которыми служили зерно, соль, животные), а потом в чеканной монете. Приведем цитату из аристотелевой “Политики”.

“...меновая торговля... вовсе не является разновидностью искусства наживать состояние, ведь её назначение — восполнять то, чего недостает для согласной с природой самодовлеющей жизни. Однако из указанной меновой торговли развилось всё-таки вполне логически и искусство наживать состояние. Когда стала больше требоваться чужая помощь для ввоза недостающего и вывоза излишков, неизбежно стала ощущаться потребность в монете, так как далеко не каждый предмет первой необходимости можно было легко перевозить. Ввиду этого пришли к соглашению давать и получать при взаимном обмене нечто такое, что, представляя само по себе ценность, было бы вместе с тем вполне сподручно в житейском обиходе, например железо, серебро или нечто иное; сначала простым измерением и взвешиванием определяли ценность таких предметов, и в конце концов, чтобы освободиться от их измерения, стали отмечать их чеканом, служившим показателем их стоимости”¹.

Примечательно, что ни здесь, ни в другом месте Аристотель не объясняет, как именно люди освободились от измерения денежных товаров (железа, серебра и других) и как на практике заменили их чеканной монетой. По словам влиятельного английского экономиста Лайонела Роббинса, идеи Аристотеля о природе денег “оставались влиятельными на протяжении всей истории экономической мысли... до тех пор пока в конце XVIII века не появились Петти, Адам Смит и Юм...” [Роббинс, 2013: 58]. Видимо, попав под обаяние Аристотеля, экономисты более позднего времени бессознательно пропускали вопрос о соотношении исторического опыта с теоретическими взглядами на возникновение монеты. Возможно также, что они не могли опереться на достоверные результаты исторической и археологической науки.

Беря на себя смелость оправдать величайшего мыслителя античности, отметим, что Аристотель жил в IV веке до н.э., когда греческой экономике была свойственна высокая степень монетизации. Монеты прочно вошли в повседневную жизнь, став неотъемлемой частью культуры, экономики и политики. Очевидно, Аристотель не располагал сведениями о том, как за три столетия до его рождения произошёл выпуск и распространение первых монет.

Надо признать, что и поныне сторонники стихийного происхождения денег ничего не говорят о том, как, по их мнению, общественная потребность в монете привела к её возникновению. Между спросом на монету со стороны торговли и самой

¹ Аристотель. Политика. Книга вторая. // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 391.

монетой они выставляют своего рода чёрный ящик со скрытым от наблюдателя содержанием. Этот логический пропуск по обыкновению присутствует в университетских учебниках экономической теории, как в России, так и за рубежом.

Согласно второму подходу, деньги создаются государством. Первоначально в рамках номиналистической теории денег оформилось представление о деньгах как о знаках стоимости, не имеющих товарной природы, и о праве государства выпускать необеспеченные деньги. В античности такие трактовки встречаются у Платона и Аристотеля, в XVIII в. номиналистическая теория денег получила развитие в трудах английских мыслителей Дж. Стюарта и Дж. Беркли, в России её продвигал Иван Посошков.

На этой теоретической основе в начале XX в. возникла государственно-номиналистическая теория денег, или хартализм. Наибольший вклад в неё внёс немецкий экономист Г.Ф. Кнапп, автор знаменитой работы “Государственная теория денег”. Представители государственных теорий денег внесли значительный вклад в осмысление перехода от полноценных денег из благородных металлов к необеспеченным бумажным деньгам и в понимание сути последних. Однако процесс возникновения монет и роли в нём государства остался на периферии их внимания.

В середине XX столетия получила развитие современная денежная теория (*modern monetary theory*), или неохартализм. Его сторонники (Рэндалл Рэй, Мэтью Форстейтер, Уоррен Мослер, Стефания Келтон, Майкл Хадсон и др.) утверждают, что деньги – кредитный инструмент суверенного государства, выпуская которые оно приобретает необходимые ему блага и облегчает себе сбор налогов. Например, Кристин Десан полагает, что деньги возникают в обстановке лояльности в группе (племени), где каждый участник вносит вклад в её выживание. Лидер группы использует особые жетоны для того, чтобы наградить людей, выполнивших дополнительные функции сверх обычной нормы. В дальнейшем такие жетоны используются их держателями для того, чтобы пропустить традиционную повинность или обменять их на полезные вещи. То есть первопричиной выпуска денег является *обязательство, возникающее у членов группы* перед сообществом в целом и олицетворяемыми его представителями власти [Desan, 2014].

Соглашаясь с положением неохарталистов о том, что государство выпускает деньги для получения необходимых ему благ, автор статьи оспаривает тезис о возникновении денег из обязательства граждан перед властью (будь то уплата налогов или несение службы). Данный взгляд не находит подтверждения в истории античных монет. Как будет показано далее, первые монеты возникли не из обязательства жителей перед властями, а из потребности властей получить некие блага, к предоставлению которых они не могли принудить население.

Обсуждая идею К. Десан, заметим, что в Древней Греции и в Древнем Риме действительно существовали жетоны за исполнение общественных обязанностей – тессеры. Несмотря на регулярное использование, они не превратились в полноценные деньги, между ними и монетами сохранялась непреодолимая сущностная пропасть. Главное отличие жетона от монеты состоит в том, что жетон не выполняет функцию меры стоимости и не становится всеобщим эквивалентом. Автору неизвестны примеры трансформации жетонов в монеты и монет в жетоны.

Деньги, создаваемые законодательной силой государства, в русскоязычной литературе называют декретными, что соответствует английскому термину *fiat money*. Ближким по смыслу является понятие фидуциарных денег (англ. – *fiduciary money*), хотя первоначально так называли бумажные деньги, которые эмиссионный банк выпускал сверх установленной нормы покрытия банкнот имевшимся у него золотым запасом [Финансово-кредитный словарь: в 3-х т. Том. III, 1988: 289].

В общем виде сторонники традиционного подхода настаивают на рыночном импульсе к возникновению монеты, а сторонники альтернативного подхода указывают на основополагающую роль государства в эволюции денег вообще и монеты в частности.

Существовала ли бартерная экономика?

Центральным звеном концепции стихийного происхождения денег вообще и монет в частности является положение о существовании бартерной экономики. Аристотель и вслед за ним многие поколения экономистов повторяли, что из-за неудобства прямого бартера на роль эквивалента выдвигались различные распространённые товары: соль, зерно, скот, металлы и т.п. Закономерен вопрос: существовала ли бартерная экономика сколько-нибудь продолжительное время или она является более поздней логической конструкцией, заслонившей от нас историческую реальность? Для ответа на него проведём анализ реалий, свойственных гомеровской эпохе, то есть периоду XI–IX вв. до н.э.

Древние греки, как и другие современные им народы, высоко ценили золото и серебро, отождествляя с ним власть и богатство. Слитки и изделия из драгоценных металлов служили для совершения даров и всевозможных платежей. Гомер в своих произведениях не раз упоминает о платежах весовым золотом. Эпизод “Илиады”, где ахейцы просят Ахилла выступить вместе с ними против троянцев, содержит внушительный перечень даров. Обещанная награда включает двадцать блестящих лоханей, семь новых треножников, десять талантов золота, двенадцать боевых коней и семь женщин-рукодельниц [Гомер. Илиада: 9, 21–124].

Богатый житель Фив по имени Полиб, персонаж “Одиссеи”, преподносит в дар царю Менелаю две серебряные ванны, два треножника и десять талантов золота [Гомер. Одиссея: 4, 126–129]. Герои эпоса по разным случаям назначают воинам и слугам вознаграждения в размере от половины до двух талантов. Вернувшись после долгих странствий на родину, Одиссей рассказывает не узнавшему его отцу, будто принимал у себя Одиссея и подносил ему богатые подарки: семь талантов золота в искусных изделиях, серебряную чашу, по двенадцать шерстяных и полотняных плащей, столько же хитонов и четырёх обученных рукоделию невольниц [Гомер. Одиссея: 24].

Важная для экономистов деталь: весовое золото являлось одной из нескольких частей дара наряду с дорогостоящими предметами быта, одеждой, лошадьми и рабами. В поэмах Гомера действующие лица и автор не отделяют весовое золото от изделий из золота, на производство которых был затрачен труд ремесленников. Судя по текстам, в современном Гомеру обществе люди не проводили сколько-нибудь чёткой границы между платежом и даром. Хотя в отдельных эпизодах говорится о продаже людей в рабство, об уплате долга, дани, откупа и выкупа, ни в одном из них не фигурирует *цена сделки* в мерах веса драгоценных металлов. Мерой стоимости выступают предметы роскоши, оружие (копья, клинки и т.п.), а также животные, чаще всего быки и лошади. Высокая цена также может обозначаться как много золота, меди и железа [Кулишер, 2014: 205; Гомер. Илиада: 6, 48. 10, 315].

Размытая граница между платежом и даром, как и нахождение весового золота в одном ряду с прочими богатствами, отражает общее состояние развития общества, которое, в частности, проявляется в невысоком уровне развития торговли и государственности. По наблюдению И.М. Кулишера, в гомеровском эпосе встречаются буквально единичные упоминания о торговле. Так, в “Одиссее” тафийский царь отправляется в Темессу с целью обменять железо на медь. В “Илиаде” ахейцы выменивают привезённое с острова Лемнос вино на железо, медь, быков, бычьи шкуры и рабов [Кулишер, 2014: 164]. Правда, внимательный читатель заметит, что в последнем случае речь идёт не об обмене в его чистом виде, а о дополнении к дару. Эвней отправляет с острова Лемнос тысячу мер вина в дар ахейским царям

Агамемнону и Менелаю. После вручения подарка на судах остаётся некоторое количество вина, которое рядовые ахейцы выменивают у посланцев на различные ценности [Гомер. Илиада: 7, 470].

У Гомера нет даже специального слова для обозначения торговца или купца. Понятие это выражается описательно – “корабельщики, которые разъезжают ради дела”. Слово *emprogos*, которым позже именовали купца, в “Одиссее” имеет значение человека, которого берут с собой на судно, то есть попутчика [Кулишер, 2014: 166].

Согласно ёмкой формулировке экономического антрополога М. Салинза, *примитивный строй генерализован, в нём нет чёткого разделения на социальное и экономическое*. Обмен дарами является преобладающей формой обмена в примитивном обществе. Его главное предназначение – поддержание дружеских отношений, в основе которых лежит стремление к взаимной безопасности. Кроме того, дар позволяет подтверждать социальный статус участников обмена. Богатый подарок гостю повышает статус дарителя в глазах его соплеменников, позволяя в будущем рассчитывать на их *добровольные* услуги. При этом у одариваемого возникает *моральное обязательство* отплатить за гостеприимство, что формирует продолженную *личную связь* и повышает вероятность новой встречи (курсив мой – О.Б.) [Салинз, 2000: 115–119, 168].

Таким образом, дар – не только акт перемещения материальных ценностей от одного лица к другому, но и акт социальных взаимоотношений, возникающих как между дарителем и одариваемым, так и между каждым из них и их соплеменниками. Он в отличие от акта купли-продажи, совершив который участники сделки могут больше никогда не встретиться, задает режим повторного, встречного действия.

Случаи предложения, совершения, принятия и отвержения дара постоянно встречаются в поэмах Гомера. Односторонние дары представляют собой плату за услугу, выкуп (например, за пленника или за тело убитого) или откуп – плату за воздержание одариваемого от нежелательного для дарителя действия. Взаимные дары преподносятся в знак дружбы или примирения врагов [Гомер. Илиада: 6, 215; 7, 295–300]. Прямая отсылка к социальной норме компенсировать полученный подарок содержится в диалоге Телемаха, сына Одиссея, и богини Афины, явившейся ему в виде друга отца Ментеса.

“С радостным духом потом унесёшь на корабль ты подарок
 Ценный, прекрасный, который тебе поднесу я на память,
 Как меж гостей и хозяев бывает, приятных друг другу”.
 Так отвечала ему совоокая дева Афина:
 “Нет, не задерживай нынче меня, тороплюсь я в дорогу.
 Дар же, что милое сердце тебя побуждает вручить мне,
 Я, возвращаясь обратно, приму и домой с ним уеду,
 Дар получив дорогой и таким же тебя отдаривши”¹.

При этом важно понимать, что стоимостные категории времён Гомера далеко не тождественны современным. Любое имущество, будь то дар, плата за услугу или возмещение ущерба, имело *индивидуальную* ценность. Треножки, скот и рабыни отнюдь не рассматривались взаимно заменимыми, какими сегодня являются, например, доллары. Герои Гомера совершали платежи не при помощи *всеобщего* платёжного средства, подходящего для оплаты чего угодно, а путем предложения даров – одновременно престижных и подходящих для каждого *конкретного* случая [Schaps, 2004: 67–68].

Примитивное общество построено на отношениях семейного типа, в которых все участники отношений связаны *личными* узами. Укоренённые в нём идеалы аль-

¹ Гомер. Одиссея. 1, 310–320. Перевод на русский язык В.В. Вересаева.

труизма и щедрости объясняются их высокой целесообразностью: в долгосрочном плане они реализуют стратегию выживания сообщества в целом. Распределение в таком обществе осуществляется при помощи внеэкономических механизмов. Возмещение благ, полученных одним членом сообщества от другого, может происходить как через короткие, так и через длинные промежутки времени. Оно может не состояться вовсе, если “кредитор” не нуждается в ответном благе или “должник” не в состоянии его предоставить. Такие моральные категории, как “родственный долг”, “причитающееся вождю” и “положение обязывает” побуждают к разумному возмещению, но не гарантируют его [Салинз, 2000: 115–119, 168].

Экономическая неуравновешенность – устойчивое состояние отношений в примитивном обществе. Она открывает дорогу для щедрости, генерализованной реципрокности, а также для ранжирования по социальной значимости. Пока долг не покрыт, получатель находится в “тени задолженности”, общественная традиция заставляет его быть дружелюбным, внимательным и отзывчивым к дарителю. Щедрость создаёт уважение и является спусковым крючком лидерства, поскольку она создаёт сторонников [Read, 1959: 425–436; Denig, 1928–1929: 395–628; Цит. по: Салинз, 2000: 190].

Основываясь на анализе М. Салниза, можно обнаружить несколько характеристик, отличающих общество с товарно-денежными отношениями и полноценными деньгами от примитивного общества или рыночную экономику от экономики дара. Причём эти характеристики не являются статичными, а их проявления не возникают скачкообразно. Скорее, речь идёт о некоем континууме свойств, а не об их финальной фиксации той или иной стадии. Итак, по мере развития общества 1) происходит выделение экономических отношений из социальных, 2) нарастает обособление ресурсов отдельных домохозяйств друг от друга и от ресурсов сообщества, 3) увеличивается значение личной выгоды в мотивации и поступках людей, 4) личные узы уступают место деперсонифицированным контактам, 5) возрастают требования к эквивалентности обменов и их встречному характеру.

В отличие от отношений дара, товарно-денежные отношения не подразумевают односторонней передачи ценностей или невозврата полученного. Подобная льгота уместна при родственных связях, но неадекватна при обезличенных контактах между независимыми субъектами. Если в экономике дара имеет место *примерная эквивалентность* встречных подарков или услуг, то в денежной экономике действует *строгая эквивалентность* ценностей, особенно в условиях сложившейся рыночной цены на тот или иной товар или услугу. Монета упрощает реализацию этой эквивалентности, поскольку в отличие от слитка она не требует взвешивания и проверки пробы.

Следует признать, что в гомеровскую эпоху древнегреческое общество строилось на личных узах, а превалирующей формой распределения благ являлось дарение. В текстах Гомера мы не находим никаких указаний на существование системы обезличенных обменов и тем более бартерной экономики. Очевидно, начавшийся в X в. до н.э. подъём ремёсел, торговли и городов происходил медленно и имел очаговый характер. Именно поэтому период использования домонетных форм денег, включая слитки благородных металлов, оказался столь длительным. Рыночная экономика очень постепенно вызревала в недрах экономики дара. Бартер, по всей видимости, никогда не являлся экономической системой, в которую было бы включено всё общество. Сопутствуя торговле в очагах её развития, он тем не менее подготовил почву для общественного спроса на новый вид денег – монеты.

Монеты Лидии: торговый и военные аспекты

Первые монеты появились в VII в. до н.э. в царстве Лидия, располагавшемся в Малой Азии на территории современной Турции во время правления царя Гигеса

(680–650 гг. до н. э.¹) Лидийские монеты отличались от слитка металла тем, что они были классифицированы по весу и имели достаточно глубокие штемпели. Их номинал варьировался от одного статера (весом около 14 г) до $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{12}$ и $\frac{1}{24}$ [Иглтон, Уильямс, 2011: 23; Davies, 2002:61–63].

Изобретению лидийцев благоприятствовала сама природа. Сбегавшие с гор реки Герм, Пактол и Меандр попадали на обширную равнину, где они долго петляли и извивались, чтобы в конце концов принести свои воды в Эгейское море. Нагретые солнцем мелководные излуины рек густо зарастали илом, а в нём накапливался вымываемый из породы золотоносной песок. Его бледно-желтые крупинки представляли собой природный сплав золота и серебра, который, благодаря внешнему сходству с янтарём, назвали электром, или электрумом, что по-гречески значит “янтарь” [Иглтон, Уильямс, 2011: 23; Davies, 2002:61–63].

Если естественной предпосылкой выпуска монет было изобилие драгоценного металла, то вопрос об экономической мотивации пока не имеет ясного и аргументированного ответа. Могла ли торговля побудить лидийцев к выпуску монеты? Да, поскольку через Лидию проходили два главных торговых пути, которые связывали морское побережье с внутренними областями Малой Азии². Вместе с тем следует учесть, что в первой половине VII века до н.э., когда началась чеканка монет, Лидия представляла собой небольшое по размерам и замкнутое внутри материка государство. Со всех сторон её окружали другие государственные образования: Вифиния, Фригия, Мизия, Троада, Эолия, контролируемая Лидией Иония, а также Кария и Ликия. Все они, кроме, Фригии, имели выход к морю и потому должны были вести не меньшую, а большую торговлю, чем Лидия. Но монеты появились именно в Лидии.

Полагая, что коммерция создавала предпосылки для выпуска монет, следует задаться вопросом, почему такие же предпосылки не привели к появлению монет в Вифинии, Мизии и других соседних государствах. Не ответив на него, остаётся признать, что торговля не являлась достаточным и, значит, единственным условием для начала чеканки. Требовался дополнительный фактор. Но какой?

Проверяя гипотезу о государственном происхождении монет, целесообразно найти признак, который отличал бы Лидию как пионера чеканки, от соседних государств. Такое отличие действительно существует: начиная с правления Гигеса, Лидия вступила в период быстрой территориальной экспансии.

Гигес распространил свою власть до Пропонтиды и до Геллеспонта. К середине VII в. до н.э. лидийцы присоединили часть Фригии и Карии, Троаду и Мизию, выдержав нашествие киммерийцев, они получили выход к важнейшим морским проливам и торговым путям в Причерноморье. Во время правления Алиата (605–560 гг. до н.э.) и Крёза (560–546 гг. до н.э.) Лидия много воевала с ионийскими городами и Мидийской державой, расширив свои границы на востоке до реки Галис (ныне Кызыл-Ирмак) [Любкер, 2005: 600]. К середине VI в. до н.э. Лидия занимала всю западную часть Малой Азии, восточная граница её владений проходила от Синопа на севере до памфилийской Перги на юге.

Данный факт позволяет выдвинуть новое объяснение первопричины выпуска монет, лежащее в русле государственных теорий денег. Многократное увеличение территории было невозможно без боеспособной армии. Лидийское войско набиралось как из коренного населения, так и из наёмников – жителей сопредельных государств. Наличие драгоценных металлов обогащало лидийскую казну и, соответ-

¹ Здесь и далее в скобках указаны годы нахождения правителей у власти, а не годы жизни.

² Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. Том. 3. Всемирная история с древнейших времён до 1800 года. М. Издательский дом “ИНФРА-М”. Издательство “Весь Мир”. 1999. С. 186.

ственно, расширяло возможности для финансирования военных кампаний. В древнем мире армии содержались за счёт государственного обеспечения, власти снабжали солдат оружием и провиантом на всем пути следования. Закупка, сохранение и доставка продовольствия до боевых порядков представляла собой отдельную, сложную в организации и весьма трудоёмкую задачу. Появление монет снимало с государства часть бремени по поддержанию боеспособности войска. Если местное население соглашалось принять монеты в оплату за продукты питания, значит, властям уже не надо было снаряжать и отправлять тяжеловесные продовольственные обозы. Говоря современным языком, функция снабжения солдат пищей и предметами первой необходимости отдавалась на аутсорсинг.

Выдвинутое предположение подкрепляется физическими свойствами монет. Они как нельзя лучше подходили для *массовых порционных* платежей. Будучи одинаковыми по весу, каждая в своём номинале, монеты позволяли выдерживать строгую соразмерность оплаты как между различными категориями военных (легкими и тяжёлыми пехотинцами, командирами различных уровней, всадниками), так и равную оплату внутри каждой категории. Как средство платежа воинам, монеты имели преимущества перед традиционными формами вознаграждения, такими, как дележ военной добычи и раздача наград по итогам похода. Неизвестно, применялась ли в лидийском царстве повременная – ежедневная, еженедельная или ежемесячная – оплата ратного труда. В любом случае монета *позволяла производить её*, чего не подразумевала награда по итогам похода, при которой солдат де факто авансировал своих нанимателей, соглашаясь работать за еду.

Монета, несомненно, повышала степень свободы солдата при решении вопроса о пропитании. С ней он мог самостоятельно уменьшать или увеличивать рацион в зависимости от состояния здоровья и иных мотивов, а также создавать запасы. Налицо выделение экономических отношений из социальных, нарастание индивидуализма (частичное обособление солдата от товарищей и командиров), а также деперсонализация (снабжение продуктами уже не полностью зависело от командиров).

Прояснить вопрос о месте торговли в лидийском обществе и, следовательно, о роли рынков в появлении лидийских монет помогают сведения видного британского историка Николаса Хаммонда. В классическом труде «История Древней Греции» он пишет, что в VIII и VII вв. до н.э. восточнореческие государства эксплуатировали ресурсы Пропонтиды (Мраморного моря) и Чёрного моря, где на подъёме была возглавлявшаяся Милетом ионийская торговля. В остальных местах торговля развивалась медленно. Только после 610 г. до н.э., когда для Восточной Греции открылись рынки Египта и Лидии, ионийские государства, особенно Милет, оказались на перекрестке важных торговых путей. Греческие купцы проникли вглубь материка после 590 г. до н.э. [Хаммонд, 2008: 114].

То есть первые лидийские монеты появились как минимум за 40 лет (если считать датой их чеканки 650 г. до н.э.) до того, как Лидия начала активную торговлю с греческими полисами (в 610 г. до н.э.). Если же началом чеканки считать середину срока правления Гигеса (665 г. до н.э.), а временем расцвета торговли – 590 г. до н.э., то интервал между двумя событиями возрастает до 75 лет.

Отсюда правомерно сделать вывод, что импульс к чеканке монет происходил от государства, а не от рынков. Одержимый идеей территориальной экспансии Гигес особенно нуждался в преданном и боеспособном войске. Чеканка порционных электровых слитков – монет упрощала содержание армии и привлечение на службу наёмников. Эксперимент удался благодаря тому, что рынки были готовы к приёму монет. Даже среднего уровня развития торговли хватило для того, чтобы созданный государством новый денежный продукт был охотно принят торговцами, то

есть встретился с рыночным спросом. Очевидно, что подобный отклик был бы невозможен в условиях основанного на даре примитивного общества.

В середине VI века до н.э. успехи металлургии позволили отделить золото от серебра и выплавить каждый из металлов достаточно высокой пробы. Выпуск первых золотых и серебряных монет приписывают последнему из лидийских правителей – баснословно богатому Крёзу (560 – 546 гг. до н. э.). Его владычество распространялось на всю западную часть Малой Азии и расположенные там греческие города до тех пор, пока поход против персов не закончился пленом и потерей державы.

Выплавка серебра и золота высокой пробы, а также стандартизация состава металлов имела важное значение для становления денежных свойств монет. На это указывает в работе 1969 г. английский экономист, будущий лауреат Нобелевской премии Джон Хикс. Домашние животные, замечает он, были распространённой, но весьма неудобной формой денег. Ведь каждая голова скота имела высокую стоимость, не равнялась в точности другой и не делилась на части. Поначалу драгоценные металлы были ненамного удобнее скота. Разделение куска металла на мелкие части стандартного размера представляло собой весьма сложную операцию, притом, что отсутствовал металл стандартного состава. Только после того как люди решили эти задачи, драгоценные металлы полностью раскрыли свои возможности в качестве денег [Хикс, 2006: 91].

Важное для понимания природы лидийских денег наблюдение делает британский историк Колин Край. “Крész нуждался в чеканной монете прежде всего для оплаты услуг наёмников, которые были необходимы для защиты его царства от персов (Геродот I.77); пока эти наёмники набирались из соседних с Лидией территорий, оплата царскими деньгами из электра была вполне приемлемой, но когда зону вербовки Крész распространил на материковую Грецию и заключил союз со Спартой, его наёмники более уже не хотели получать оплату монетами из сплава с неясным составом, сплава, который в Элладе обычно был бесполезным, хотя и ценился в каком-то далеком царстве” [Край, 2011: 527].

Другими словами, переход от электровой чеканки к монетам из чистого серебра и золота диктовался потребностями государства, а именно, военными нуждами. Крész ощутил на себе давление внешнего фактора – недавно возникших, но уже укоренившихся практик международных рынков. К середине VI века до н.э. древнегреческие полисы активно чеканили и использовали серебряную монету, которая являлась стандартным средством платежа. Электровые деньги проигрывали серебряным по степени международного признания.

Монеты Эгины: связь с системой мер и весов

Завоевав Лидию, персы переняли у лидийцев чеканку монет. Вскоре ею занялись многие греческие города Малой Азии, а также полисы материковой и островной Греции. Почти одновременно с лидийцами или ненамного позже монету начал чеканить правивший на острове Эгине аргосский царь Фидон, которому “Паросская хроника” приписывает введение единообразной системы мер и весов.

Расположенный в Эгейском море между Атикой и Пелопоннесом остров Эгина был в древности крупным центром торговли. Возникшая там денежная система исходила из серебряной мины весом в 630 г, где главной чеканной монетой являлся статер, или дидрахма весом 12–12,6 г [Кулишер, 2014: 210; Край, 2011: 527]. Эгинские серебряные статеры с изображением морской черепахи находили в бесчисленных кладах второй половиной VI – начала V в. до н.э. на территории материковой Греции, на островах Эгейского моря и на восточном побережье Средиземного моря. Фактически они явились первой международной валютой античного мира [Touratsoglou, 2007: 24]. Эгинский весовой стандарт наряду с возникшим позже зв-

бейским явился одним из двух основных эталонов, к которым в основном сводилось огромное разнообразие древнегреческих монет.

Эгинские монеты, по мнению историков, могли возникнуть как под влиянием лидийских, так и независимо от них. На последнее указывают очевидные различия в материале: в Лидии использовали электр, а на Эгине – чистое серебро [Зограф, 1951: 23–25]. Легенда гласит, что, отчеканив монеты, Фидон раздал их населению и взял в обмен вертела-оболы, которые он поместил в храм Геры в Аргосе. Поскольку в горсть (по-гречески, драхму) помещалось шесть обол-вертелов, то основная монета стала именоваться драхмой. Она разделялась на шесть частей – обол [Жестоканов, 2009: 44–52].

В истории с Фидоном заслуживает внимания связь между созданием системы мер и весов, с одной стороны, и выпуском монеты – с другой. Безусловно, унификация мер и весов требует достаточной степени развития общества и его властных структур. Введение такой системы едва ли может быть результатом действия рыночных сил, хотя власть обычно считается со сложившимися в обществе традициями. Государство (полис в древней Греции) не только вводит систему мер и весов, но и добивается её практического соблюдения на всей подвластной территории. Хотя рынки спонтанно создают практики использования определённых мер и весов, у них нет действенных механизмов её закрепления. Коммерческие традиции держатся на добровольном следовании: побудительным мотивом выступает удобство самой нормы, лояльность к профессиональному сообществу или страх быть исключённым из него. Государство может эффективно побуждать и принуждать к выполнению нормы, в этой роли оно выступает поставщиком общественного блага, которое не может быть создано никем другим.

Исполнение деньгами функции меры стоимости наталкивается на естественное ограничение, вытекающее из склада человеческого ума. Как правило, люди не способны одновременно производить измерения в двух или более системах мер. Лишь единицы умеют одинаково ловко оперировать сантиметрами и дюймами, литрами и галлонами, градусами по Цельсию и по Фаренгейту. Даже в современном мире высоких технологий, где миллионы людей путешествуют по свету и говорят на иностранных языках, очень немногие могут моментально и безошибочно сравнивать скорость автомобиля в километрах и в милях или судить о площади земельного участка в сотках и акрах. Раз мера стоимости в силу человеческой природы не может быть множественной, возникает естественная монополия в её определении, на которую и претендует верховная власть – будь то греческий полис или современное государство. Оно же закрепляет общую систему счисления, без которой деньги не могут быть объектом счёта, а значит, выполнять свои экономические функции. Напомним, что до III в. до н.э. в Древней Греции использовалась акрофоническая (непозиционная) система счисления.

Самой распространённой монетой античной Греции была афинская тетрадрахма с изображением смеющейся богини на аверсе и совы на реверсе. Её выпуск начался с 510 г. до н. э. из серебра Лаврионских рудников. Первые афинские монеты иных типов датируются первой половиной VI в. до н. э. Важно отметить, что их появлению предшествовали проведённые в 594 г. до н. э. реформы Солона. Введённый им эвбейский весовой стандарт строился вокруг таланта, который равнялся 26,196 кг и состоял из 60 облегчённых мин весом по 436,6 г каждая. В дальнейшем мина делилась на сто драхм весом по 4,36 г. Как видно, чеканке афинских денег предшествовала стандартизация мер и весов.

Две названные функции власти – унификации системы мер и выпуск денег – оказываются тесно связанными на протяжении мировой истории. Сначала унификация мер происходит на уровне отдельного государства (полиса), а по мере интернациона-

лизации хозяйственной жизни переходит на международный уровень. Не случайно первая международная валютная конференция, состоявшаяся в 1867 г., то есть спустя две с половиной тысячи лет после реформ Фидона, собралась на полях приуроченного ко всемирной выставке в Париже международного метрологического форума.

Отечественный историк античности Э.Д. Фролов пишет, что экономический и социальный прогресс в Греции нашёл своё выражение в совершенствовании ремесел, развитии внутренней и межгородской торговли, успехах в мореплавании и кораблестроении, а также в выработке правильных мер объёма и веса и в изобретении чеканной монеты (курсив мой. – О.Б.) [Фролов, 2008: 550]. Добавим, что этот прогресс прежде всего состоял в переходе от примитивного общества эпохи Гомера к обществу с более чёткими дефинициями и границами, как между социальным и экономическим, так и между общественным и личным. Потребность в более точном измерении расстояний, веса и материальных благ созрела по мере развития общества, совершенствования механизмов власти, роста благосостояния и, как следствие – имущественного неравенства. Все эти факторы вместе, а не только разделение труда, создали предпосылки для появления монеты.

Выводы

Опыт первой чеканки монет в Малой Азии и в Древней Греции в VII–VI вв. до н. э. свидетельствует о том, что развитие торговли является необходимым, но не достаточным условием для начала их эмиссии. В обоих рассмотренных случаях – Лидии и Эгины – предложение монет проистекало от государства. Причём до начала чеканки власти должны были обеспечить такое общественное благо, как единая и общепринятая система мер и весов. Без неё создание классифицированных по весу слитков, которые могли бы служить мерой стоимости по счёту, а не по весу, невозможно в принципе.

Есть основания полагать, что лидийские цари выпустили монеты для удовлетворения собственных потребностей в боеспособной армии, возникшей в связи с планами территориальных захватов. Монеты нашли спрос в обществе благодаря тому, что оно уже совершило транзит от примитивной экономики, основанной на личных узах, к экономике, где существуют деперсонифицированные обмены, а экономические отношения выделены из социальных. Вместе с тем существование бартерной экономики как всеобъемлющей системы резонно поставить под сомнение.

Считая, что потребности в деньгах со стороны торговли стихийно привели к появлению монет, невозможно объяснить механизмы реализации этого спроса. Античная история не даёт примеров частной чеканки монет, например, объединениями торговцев или ремесленников. Напротив, государство (полис) с самого начала обладало монополией на эмиссию. Каналом монетизации служили потребности властных структур – в содержании армии, общественных работах и т.п. Монеты попадали на рынок через руки солдат, государственных чиновников, нанятых властями строителей и иных специалистов.

В целом появление монет стало возможным благодаря их предложению со стороны государства и спросу со стороны рынков.

Список литературы

- Аристотель. Политика. Книга вторая.
 Гомер. Илиада.
 Гомер. Одиссея.
 Жестоков С.М. (2009) Фидон Аргосский: тиран и реформатор // Вестник Санкт-Петербургского гос. университета. Серия 2: История. 2009. № 3. С. 44–52.
 Зограф А.И. (1951) Античные монеты. Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.
 Иглтон К., Уильямс Дж. (2011) Деньги. История цивилизаций. М.: “Издательство ФАИР”.

Краай К. (2011) Монетное дело. // Кембриджская история Древнего мира. Том IV/ III. Часть 3. Расширение греческого мира. VIII–VI века до н.э. Под редакцией Дж. Бордмэна, Н.-Дж.-Л. Хэммонда, д.-М. Льюиса, М. Освальда. М.: Научно-издательский центр “Ладомир”.

Кулишер И.М. (2014) Очерк экономической истории Древней Греции. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД.

Любкер Ф. (2005) Иллюстрированный словарь Античности. Исправленное и дополненное издание. М.: ЭКСМО.

Роббинс Л. (2013) История экономической мысли. Лекции в Лондонской школе экономики. Пер. с английского Н.В. Автономовой под ред. В. Автономова. М.: Издательство института Гайдара.

Салинз М. (2000) Экономика каменного века. М.: ОГИ.

Финансово-кредитный словарь: в 3-х т. Том. III. Гл. ред. Н.В. Гаретовский. – М.: Финансы и статистика, 1988.

Фролов Э.Д. (2008) Античная Греция: обзор истории и анализ главных проблем (конспект лекционного курса). Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира под ред. проф. Э.Д. Фролова. Выпуск 7. Санкт-Петербургский гос. унт-т. Исторический факультет. СПб.

Хаммонд. Н. (2008) История Древней Греции. М.: Центрполиграф.

Хикс Дж. (2006) Теория экономической истории. М.: ИП “Журнал Вопросы экономики”.

References

- Aristotle, Politics, book II.
 Davies, Glyn. (2002) History of Money. University of Wales Press. Cardiff.
 Denig, Edwin Thompson (1929) Indian Tribes of the Upper Missouri. *Smithsonian Institution Bureau of American Ethnology*. Annual Report 1928–1929.
 Desan, Christine (2014) Making Money: Coin, Currency, and the Coming Capitalism. Oxford, Oxford University Press, 2014.
 Eagleton, Catherine and Williams, Jonathan (2007) Money. A History. Firefly Books.
 Finansovo-kreditnyj slovar': v 3-h t. Tom. III. Gl. red. N.V. Garetovsij. – М.: Finansy i statistika, 1988.
 Frolov Je.D. (2008) Antichnaja Grecija: obzor istorii i analiz glavnyh problem (konspekt lekcionnogo kursa). Mnemon. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira pod red. prof. Je.D. Frolova. Vypusk 7. Sankt-Peterburgskij gos. Unt-t. Istoricheskij fakul'tet. SPb.
 Hammond, Nicholas (1959) A History of Greece to 322 B.C.
 Hicks, John (1969) A Theory of Economic History. Oxford: Clarendon Press.
 Homer, Iliad.
 Homer, Odyssey.
 Краау, Colin M. (1988) Coinage. *The Cambridge Ancient History: Perisia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 B.C.: Second Edition: Volume IV Edited by John Boardman, N. G. L. Hammond, D. M. Lewis and M. Ostwald*.
 Kulisher I.M. (2014) Oчерк jekonomicheskoi istorii Drevnej Grecii. Izd. 2-e. М.: ЛЕНАНД.
 Lübker, Friedrich (1914) Reallexikon des classischen Alterthums für Gymnasien.
 Read K.E. (1959) Leadership and Consensus in a New Guinea Society. *American Anthropologist*. Vol. 61.
 Robbins, Lionel (2000) History of Economic Thought: The LSE Lectures. Princeton University press.
 Sahlins, Marshall (1972) Stone Age Economics. Aldine, Atherton, Inc.
 Schaps D.M. (2004) The Invention of coinage and the monetization of Ancient Greece. The University of Michigan Press.
 Touratsoglou, Ioannis (2007) Common Currency from Antiquity: Plus plus ça change, plus c'est la même chose. *Cottrell, Ph., Notaras G., Tortella G. (Eds.) From the Athenian Tetradrachm to the Euro: Studies in European Monetary Integration. Abingdon, Oxon, GBR: Ashgate Publishing Group*.
 Zhestokanov S.M. (2009) Fidon Argoskij: tiran i reformator. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gos. universiteta. Serija 2: Istorija*. 2009. № 3. P. 44 – 52.
 Zograf A.I. (1951) Antichnye monety. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR.

The Origin of Coinage

Author. Butorina O.V., Doctor of Economic Science, Deputy Director of the Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. **Address:** 11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009. **E-mail:** olgabutorina@mail.ru

Abstract. According to the prevailing view in economics, money appeared spontaneously in the process of growing division of labor and trade. The state theory of money claims that money is created by the legislative power of a state. The aim of this article is to check the compliance of the two explanations with the facts of first coinage in Asia Minor and in ancient Greece. The analysis of historical material reveals a key role of a state as the promoter of coinage and the unique supplier of specie. While the rapid spread of coins became possible due to the well-formed public and market demand for specie.

Key words: first coinage, theory of money, state theory of money, modern monetary theory, barter economy, ancient coins, kingdom of Lydia.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32016131142>